УДК 882-04

О.С. Шурупова

ОБРАЗ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПЕТЕРБУРГСКОМ И ЛОНДОНСКОМ ТЕКСТАХ

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.

Статья посвящена сопоставительному анализу особенностей образа «маленького человека» в столичных сверхтекстах русской и английской литературы. В данной работе выявляются глубинные различия в миропонимании русского человека и англичанина, проявившиеся в Петербургском и Лондонском текстах. Анализ осуществляется на материале произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, Ч. Диккенса, Дж. Голсуорси, С. Кинзеллы и др.

Культура, сверхтекст, Петербургский текст русской литературы, Лондонский текст английской литературы, «маленький человек».

The report is devoted to comparison analysis of the main peculiarities of the image of the 'small person' in the capital supertexts of Russian and English literature. The author shows fundamental distinctions between Russian and English world outlooks that are reflected in Petersburg and London texts. The analysis is carried out on the works of A.S. Pushkin, N.V. Gogol, P.M. Dostoevsky, A.A. Blok, Ch. Dickens, S. Kinsella, etc.

Culture, supertext, Petersburg text of Russian literature, London text of English literature, 'small person'.

В своей книге «История русской культуры в царствование Романовых: 1613 – 1917» С. Волков высказывает мысль, что развитие отечественной культуры во многом определялось сложным, драматичным диалогом между властью и художником, властью и русским человеком. Как замечает исследователь, «чем более русский правитель или правительница контролировали культурный процесс, тем более устойчивым представлялся их режим» [2, с. 6]. Возможно, эта особенность отечественной культуры и стала причиной того, что значимым героем ряда художественных произведений стал так называемый «маленький человек». В литературе XIX в. появляются образы ничем особым не примечательных, довольствующихся малым, лелеющих весьма скромные мечты и обреченных на страдания Самсона Вырина, Акакия Акакиевича Башмачкина и Макара Девушкина, в XX столетии им на смену приходит Иван Денисович. Сменяют друг друга эпохи, но образ «маленького человека» остается актуален и в наше время. Достаточно отметить, что современный писатель Е.В. Гришковец, в рассказе которого «Михалыч» тоже появляется представитель данного типа героев, в своем «Живом журнале» заявляет, что именно в школе «маленький человек впервые встречается с государством» [3, с. 151], имея в виду, разумеется, не столько ребенка как такового, сколько человека, мечты и чаяния которого, даже когда он повзрослеет, будут противопоставлены государственной необходимости.

Однако образы «маленьких людей», казалось бы, столь специфичных именно для русской литературы, можно отыскать и в пространстве других культур. Целью данной статьи является сопоставление образов «маленького человека» в русской и английской литературе, в частности в Петербургском и Лондонском текстах. В сверхтекстах, т.е. «открытых системах текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах каждого из которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира» [6, с. 227], с особенной четкостью проявляются главные черты, присущие данной культуре, поэтому сопоставительный анализ Петербургского и Лондонского текстов позволит осмыслить их глубинные различия.

По замечанию С. Волкова, «с наибольшей силой самодержавное своеволие Петра, его русский максимализм и его любовь к демонстративному, символическому жесту проявились в самом своевольном, драматическом и символическом действии царя – основании Петербурга» [1, с. 32]. Петербург стал воплощением могучей воли, преодолевшей все преграды, в том числе суеверный страх, который народ испытывал перед правителем, которого считал антихристом, а значит, и перед его творением. В.О. Ключевский с полным основанием утверждает: «Новая столица обошлась крайне дорого… Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге… Петр называл новую столицу своим “парадизом”; но она стала великим кладбищем для народа» [4, с. 115]. Не случайно символом северной столицы является Медный Всадник с простертой вперед правой рукой, повелевающей и покровительствующей. Создатель Петербурга предстает в этой статуе и мудрым и решительным законодателем, и бесстрашным полководцем, и зорким стражем своего творения, и властным, не терпящим препон монархом, готовым преодолеть любое препятствие на своем пути и не обращающим никакого внимания на желания и надежды своих подданных, «маленьких

людей», погубленных ради процветания нового города. Таким был изображен Медный Всадник и в одноименной поэме А.С. Пушкина, где, по мнению С. Волкова, Медный Всадник «представляет не только Петра Великого и созданный им город, но и государство. И еще шире – всякую власть. И еще более широко – творческую Волю и Силу. Они движут вперед общество, и общество в целом в них, несомненно, нуждается. Но эти нужды общества вовсе не всегда совпадают со стремлениями его индивидуальных членов» [1, с. 29].

Легендарный памятник становится в пространстве Петербургского текста символом суровой власти, которую не интересуют желания и мечты простых смертных и которая обрекает жителей города на страдания. Петербург предстает в посвященном ему сверхтексте как город, где несбыточное, фантастическое подчас оказывается возможным, город, жизнь в котором подчиняется особым, нередко иррациональным законам. Если таинственная статуя и покровительствует городу в целом, то она глубоко враждебна каждому из бесчисленных «маленьких людей», населяющих призрачный, зловещий Петербург. Не случайно во многих составляющих Петербургского текста повторяется эпизод встречи жалкого, растоптанного «маленького человека» и сурового Медного Всадника, которому безразличны страдания подвластных ему жителей города. К статуе Петра приходят пушкинский Евгений, и оставшийся без службы чиновник Маракулин («Крестовые сестры» А. Ремизова), и Николай Аполлонович Аблеухов («Петербург» А. Белого), и лирические герои стихотворений И. Анненского и А. Блока. Практически во всех текстах, входящих в данное культурно-системное единство, появляется трагический, неразрешимый конфликт между героем петербургского текста, ничем не примечательным человеком, мечтающим о личном счастье, и грозным городом, всех жителей которого неминуемо ожидают страдания и скорби.

Многих из персонажей Петербургского текста можно отнести к типу «маленького человека», которого заботят его простые, мелкие радости и горести и до страданий которого нет дела власть имущим. Достаточно часто этот тип личности совмещается с типом петербургского чиновника, представителей которого можно встретить практически в любой из составляющих Петербургского текста XIX и начала XX вв. Жизнь петербургского чиновника была нелегкой, и, лишь дослужившись до значительного чина, что, разумеется, удавалось не всем, они могли позволить себе завести семью, поэтому многие из них были обречены на одиночество. Именно такой чиновник предстает в Петербургском тексте: большинство его героев, которые относятся к данному типу (герой пушкинского «Медного Всадника» Евгений, гоголевские Акакий Акакиевич и Поприщин, герои произведений Ф.М. Достоевского Макар Девушкин, господин Голядкин, Вася Шумков, Мармеладов, Забежкин из повести М.М. Зощенко «Коза» и Маракулин из «Крестовых сестер» А. Ремизова) бедны, одиноки и беззащитны перед жестоким, холодным городом, сурово испытывающим своих жителей.

Характерно, что даже внешние черты подобных героев Петербургского текста зачастую совпадают. Эти чиновники, робкие, застенчивые, неуклюжие и мучительно одинокие, обычно занимающие самые незначительные должности, делятся на две группы: на тех, кто, подобно гоголевскому Акакию Акакиевичу и Макару Девушкину из «Бедных людей» Ф.М. Достоевского, довольны своим положением, зачастую действительно унизительным, или, по крайней мере, всеми силами стараются с ним примириться, т.е. «жить водой не замутя, по пословице, никого не трогая, зная страх Божий да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и в твою конуру не пробрались», и на тех, кто не в силах терпеть оскорбления и пытается скрыться от реальной петербургской жизни в мечтах (Поприщин из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя, господин Голядкин из «Двойника» Ф.М. Достоевского, Маракулин из повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры»), хотя за неумение смиряться перед судьбой эти чиновники бывают сурово наказаны. Впрочем, те «маленькие люди», которые стараются терпеливо сносить удары судьбы, не менее несчастны, чем их самолюбивые собратья, ибо каждый них обречен на утрату чего-то безмерно дорогого ему: Акакий Акакиевич теряет долгожданную шинель, Макар Девушкин вынужден расстаться с Варенькой, которую любит как родную дочь, Мармеладов видит, как разрушается его семья, Забежкину запрещают видеться с козой – единственным существом, с которым несчастный может время от времени поговорить по душам и т.д. Холодную столицу населяют тысячи таких чиновников, незаметных, ничем не примечательных, и каждый из них – человек, каждый обладает бессмертной душой, которая может страдать, может испытывать радость и боль. Об этом с горечью говорит Макар Девушкин: «Я ведь и сам знаю, что я немного делаю, что переписываю; да все-таки я этим горжусь: я работаю, я пот проливаю. Ну что же тут в самом деле такого, что переписываю!.. “Эта, дескать, крыса чиновник-переписывает!”… Да что же тут бесчестного такого?.. Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приносит…». Петербургский текст, таким образом, дает и своим героям, и читателям возможность почувствовать ценность каждого человека, пусть ничем не примечательного, пусть смешного, лелеющего нелепые мечты, и испытать к нему ту жалость, о которой умоляет окружающих Мармеладов, один из самых несчастных петербургских чиновников: «Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей...».

Тип «Маленького человека», который появляется в Лондонском тексте английской литературы, чаще всего можно обозначить словом *клерк*, тем более что концепт *clerk*, получающий репрезентацию при помощи данной лексемы, а также слова *assistant*, реализует такие признаки, как 'a little life' («маленькая жизнь»), 'a poor person' («бедный человек»), 'ordinary'

(«обыкновенный») [7, p. 266]. Впрочем, герои-клерки, как правило, бывают добродетельными людьми, достойными уважения. Как заявляет о своем муже-клерке героиня романа Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс…», 'he was a quiet, sensible, sober man; virtious, modest, sincere, and in his business diligent and just'. К данному типу могут относиться как мужчины (Уэммик из романа Ч. Диккенса «Большие надежды», Ноггс из произведения «Жизнь и приключения Николаса Никльби», Боб Кретчит из повести «Рождественская песнь» и Уилфер из романа «Наш общий друг», мистер Бэнкс («Мэри Поппинс» П. Трэверс), так и женщины (Бекки Блумвуд из романа С. Кинзеллы «Исповедь шопоголика», героини романа «Сможешь сохранить секрет?» Эмма и Кейти, а также Бриджит Джонс из романа Х. Филдинг). Не все из них представляют собой собственно клерков. Бекки Блумвуд, например, – не очень преуспевающий финансовый журналист, который пытается найти другую работу.

Отметим, что большинство страдающих героинь Петербургского текста относятся к типу женщины, торгующей собой, чтобы заработать на кусок хлеба. Незнакомка, которую встречает на Невском проспекте гоголевский Пискарев, Варенька Доброселова из повести Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (Макар Девушкин спасает ее от участи, уготованной для несчастной ее «заботливой» родственницей Анной Федоровной), Сонечка Мармеладова, героиня романа Ф.М. Достоевского «Идиот» Настасья Филипповна, Чуха и Маша Поветина из «Петербургских трущоб» В.В. Крестовского, Катька из поэмы А. Блока «Двенадцать», героиня повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры» Вера вынуждены торговать собой, чтобы выжить в Петербурге, где они совершенно одиноки и никого не интересуют их страдания. Лишь немногие героини Петербургского текста неожиданно для окружающих и для самих себя оказываются способными преодолеть губительные обстоятельства.

Героини Лондонского текста тоже нередко ступают на неверный путь порока. Это Молль Флендерс из романа Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс…», которая, впрочем, жила и грешила во многих городах Англии, но вновь и вновь возвращалась в Лондон, где и совершила свои самые отвратительные деяния; Нэнси («Оливер Твист» Ч. Диккенса); Лилиен («Колокола» Ч. Диккенса); безымянная женщина, которая «губит себя» на ночной улице («Крошка Доррит» Ч. Диккенса); Марта из романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим»; уличная девушка, по имени Сара, которую встречает на ночной улице герой романа Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта» Чарльз Смитсон. Можно отметить, что если в составляющих Петербургского текста к этому типу нередко относятся главные героини произведений, входящих в сверхтекст, то падшие женщины, появляющиеся в единицах Лондонского текста английской литературы, как правило, относятся к числу второстепенных персонажей. Нередко представительницы данного типа упомянуты в тексте, но не принимают в действии непосредственного участия. Однако женщины занимают немаловажное место среди «маленьких людей» английской литературы в целом. Так, говоря о них, нельзя не вспомнить Памелу из одноименного романа С. Ричардсона, девушку из бедной семьи, которая ни за что не соглашается потерять свое честное имя. 'My soul is of equal importance with the soul of a princess', – заявляет она. Ей вторит героиня одного из наиболее известных романов XIX в. Джен Эйр: 'Do you think, because I am poor, obscure, plain, and little, I am soulless and heartless? You think wrong! – I have as much soul as you, – and full much as heart!' Лондонские девушки, ставшие героинями современной литературы, как и их предшественницы, заявляют о своей независимости, и каждая из них находит счастье с человеком, который оказывается способен оценить их душевные порывы.

Тем не менее, наиболее яркими представителями лондонского типа «маленьких людей» являются клерки. Можно с уверенностью утверждать, что лондонский клерк весьма напоминает чиновника из Петербургского текста русской литературы. Это, как правило, тоже небогатый человек, вынужденный стеснять себя во многом, мечтающий почти исключительно о повышении и – как следствие – прибавлении жалованья, не всегда получающий ту любовь и заботу, которых достоин. Так, Ноггс из романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби» чрезвычайно полезен своему жестокому начальнику, но тот платит ему гроши. 'Newman Noggs, being utterly destitute, served him for rather less than the usual wages of a boy of thirteen'. Более успешные коллеги не упускают возможности посмеяться над ними. Лондонский клерк – это почти тот же «маленький человек», живущий своими мелкими радостями и горестями, которого мы встречаем в Петербургском тексте. Однако, несмотря на разительное сходство между маленькими людьми английской и русской литературы, между ними можно обнаружить коренное различие. Акакий Акакиевич, Поприщин, Макар Девушкин, Мармеладов, Лебедев и прочие представители типа «чиновник» в Петербургском тексте русской литературы, как правило, глубоко несчастны. Многие из них утешаются единственной в их непростой жизни радостью, будь то шинель, коза или единственный любимый человек, и, утратив ее, теряют смысл жизни. Лондонские клерки значительно более счастливы и довольны собой. Достаточно обратиться к роману С. Кинзеллы «Сможешь сохранить секрет?», героиня которого видит предел своих мечтаний в получении более солидной должности и, добившись ее, так счастлива, что прощает своим врагам все обиды. Когда она, удивленная вниманием человека, который оказался главой огромной корпорации, замечает: 'I don't get why someone… would be interested in my stupid, boring little life…', – он негодует: '…Your life is not stupid and boring… You have friends who love you and whom you love… You have ambitions. You have fun. You have imagination and optimism. You have… warmth'. Типичный

представитель данного типа Уэммик не ощущает себя маленьким человеком у себя дома, в импровизированной крепости, которая могла бы служить иллюстрацией английской поговорки 'My home is my castle'.

Уилфер из романа Ч. Диккенса «Наш общий друг» забывает о своих бедах и унижениях, весело обедая с дочерью. То же самое можно сказать о многочисленных героинях романов С. Кинзеллы, занимающих мелкие должности в офисе и бурно веселящихся с подружками после работы. У многих из них есть тайное увлечение, которое скрашивает их суровые будни: так, Кейти («Сможешь сохранить секрет?» С. Кинзеллы) с увлечением занимается вязанием, а секретарша Бонни («Минишопоголик» С. Кинзеллы) обожает шоколад с орехами и т.д.

Лондонские «маленькие люди», в отличие от петербургских, не вызывают особой жалости и были бы оскорблены, получив ее. Они небогаты, но не ощущают себя до конца обделенными судьбой, и лишь немногие из них действительно одиноки. Героини романов С. Кинзеллы и Бриджит Джонс («Дневник Бриджит Джонс» Х. Филдинг) могут положиться на своих друзей, которые поддерживают их в трудную минуту. Можно отметить, что героиня романа С. Кинзеллы «Недомашняя богиня» Саманта обретает счастье, оставив свою карьеру и став кухаркой, т.е. еще одним «маленьким человеком». Не слишком счастливых героев Лондонского текста не оставляет надежда изменить свою жизнь к лучшему, и, как правило, им это удается. Если русский «маленький человек» обычно лишен всякой надежды на личное счастье, как Евгений из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник», то английский изо всех сил стремится к такому счастью – нередко связанному с материальным преуспеянием – и обычно получает его. Например, одним из самых радостных событий, описанных Ч. Диккенсом в «Рождественской песни», становится прибавление жалованья Бобу Кретчиту.

В Лондонском тексте ярко проявляются особенности англосаксонской культуры в целом. Если «маленькие люди» русской литературы, как правило, глубоко несчастны, то каждый из персонажей Лондонского текста имеет право на личное счастье, которого обычно и добивается. Покорность судьбе не является ценностью Лондонского текста, и в этом одно из главных отличий данного сверхтекста, ставшего частью англосаксонской индивидуалистической культуры, от Петербургского, создававшегося в рамках культуры коллективистской. В подобном отношении к жизни проявляется деятельностная сторона, свойственная англосаксонской культуре. В то же время в ходе исследования Петербургского текста становится очевидной его глубинная связь с другими составляющими отечественной культуры, которая, в отличие от западной, признана культурой сотериологической. По мнению А.И. Солженицына, коренное различие между русской и западноевропейской типами литературы и культуры заключается в том, что «самые излюбленные герои западных писателей всегда добиваются карьеры, славы, денег. А русского героя не корми, не пои – он ищет справедливости и добра» [5, с. 329]. Герои Петербургского текста проходят через жестокие духовные испытания, и нежелание смириться с волей судьбы, пустые мечтания неизбежно приводят подчинившихся им к гибели. «Маленькие люди» появляются в обоих сверхтекстах, но предстают в них по-разному, и их осмысление показывает нам всю глубину межкультурных различий.

Литература

1. *Волков, С.* История культуры Санкт-Петербурга / С. Волков. – М., 2007.

2. *Волков, С.* История русской культуры в царствование Романовых: 1613 – 1917 / С. Волков. – М., 2011.

3. *Гришковец, Е.* Год жизни / Е. Гришковец. – М., 2009.

4. *Ключевский, В.О.* Сочинения: в 9 т. – Т. IV. – Курс русской истории. Ч. IV / В.О. Ключевский; под ред. В.Л. Янина. – М., 1989.

5. *Солженицын, А.И.* В круге первом / А.И. Солженицын // Малое собрание сочинений. – Т. 1. – М., 1991.

6. *Шурупова, О.С.* К вопросу о сверхтексте / О.С. Шурупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 7 (18): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 225 – 227.

7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition. – Oxford, 2007.